

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР

ЛАУРА ИМАЙ
МЕССИНА

Издано
в 21 стране
мира

ТЕЛЕФОННАЯ БУДКА НА КРАЮ ЗЕМЛИ

*Какие слова
ты доверишь
ветру?*

Лаура Имай Мессина
Телефонная будка
на краю земли
Серия «Trendbooks»

Текст книги предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68447596

Телефонная будка на краю земли: Клевер-Медиа-Групп; Москва; 2021
ISBN 978-5-00154-533-0

Аннотация

Где-то в Японии, на краю земли, в саду, обдуваемом всеми ветрами, стоит телефонная будка. Она давно не работает, но люди посещают ее, и их слова разносит ветер. Ветру они доверяют то, что не успели сказать своим любимым.

Мама и дочка Юи погибли во время цунами. Девушка не знает, как жить дальше. Она надеется, что обретет смысл существования после поездки к морю и посещения телефонной будки.

Содержание

Пролог	7
Часть I	14
1	14
2	18
3	19
4	24
5	25
6	30
7	31
8	34
9	35
10	42
11	43
12	47
13	48
14	54
15	56
16	61
17	62
18	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Лаура Имай Мессина

Телефонная будка на краю земли

*Посвящается Рёсукэ, Сосукэ, Эмилио и голосам,
которые всегда будут сопровождать вас*

Laura Imai Messina
Quel che Affidiamo al vento

* * *

© 2020 First published in Italy by Piemme

Издание публикуется по согласованию с Grandi &
Associati

Иллюстрация © ALE+ALE

© ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2021

* * *

Этот роман – плод авторского воображения. Все персонажи и события вымышлены, детали служат для придания достоверности повествованию. Любые совпадения с реальными фактами, событиями, местами, людьми – как живыми,

так и погибшими – совершенно случайны.

Автор при транскрибировании слов японского языка латиницей использует систему Хэпбёрна. В переводе на русский язык при записи отдельных японских слов (имен собственных и реалий) кириллицей используется система Поливанова, а при записи этикетных выражений, терминологических словосочетаний и целых фраз сохраняется латинская транскрипция и приводятся комментарии.

На написание этого романа меня вдохновило реальное место на северо-востоке Японии, в префектуре Иватэ.

Как-то раз один человек установил телефонную будку возле дома, прямо в своем саду, раскинувшись у подножия горы Кудзира (Китовой горы) по соседству с Оцутти – одним из наиболее пострадавших во время цунами 11 марта 2011 года городов.

Внутри будки – старый черный телефон, но он не подключен к телефонной сети – он передает голоса по ветру.

Тысячи людей посещают это место каждый год.

Это переход из одной формы жизни в другую. Концерт, на котором меняется только оркестр. А

музыка остается, она все еще там.
Марианджела Гуальтьери

Поднимись, ветер, с севера
и принеси с юга,
повей на сад мой, —
и польются ароматы его! —
Пусть придет возлюбленный мой
в сад свой
и вкушает сладкие плоды его¹.

Песнь песней, 4:16. Приглашение невесты

Не торопи любовь.
Кодзики

¹ Здесь и далее цитаты из Библии приводятся по Синодальному переводу. –
Здесь и далее примечания переводчика.

Пролог

Лавина воздуха обрушилась на «Белл-Гардиа» – большой сад на крутом склоне – растения припали к земле. Женщина по привычке закрыла лицо локтем, сгорбила спину, чтобы защититься от ветра. Но сразу же опомнилась и выпрямилась.

Она приехала еще до зари, видела, как светало, но солнце так и не показалось. Женщина выгрузила из машины огромные пакеты: пятьдесят метров рулонного листового пластика максимальной толщины, мотки изоленты, десять коробок гвоздей с кольцевой накаткой, которые можно вбивать в землю, и молоток с рукояткой для женской руки. Консультант «Конана», огромного хозяйственного супермаркета, попросил ее показать руку, хотел помочь подобрать размер, но она в испуге отскочила от него.

Женщина быстрым шагом подошла к телефонной будке, будка показалась ей такой хрупкой, будто из сахарной ваты или беже, с которых снимало пробу бесчисленное множество пальцев.

Ветер перерастал в настоящий ураган, больше нельзя было терять ни минуты.

Два часа без передышки они работали вместе на склоне Оцути: она покрывала пластиком стены, скамейку, табличку у входа, декоративную арку, от которой начиналась дорожка

к будке, а ветер дул, не стихая ни на минуту, и время от времени налетал на нее. Иногда она невольно обхватывала себя руками, как делала всякий раз, когда одолевали эмоции, но вскоре находила силы расправить спину и снова бросала вызов тучам, окружившим гору со всех сторон.

Только ощутив во рту привкус моря, поняв, что его соленое дыхание уже добралось сюда, поднялось так высоко, что вот-вот опрокинет весь мир, она остановилась. Изнуренная, женщина опустилась на скамейку, спрятанную в пластик, как куколка шелкопряда в кокон. Ноги были тяжелые – на подошвы налипли комья земли. Она решила для себя: если мир упадет, она упадет вместе с ним; но, если у него есть хоть малейший шанс удержаться, пусть даже в шатком равновесии, она сделает все возможное, чтобы помочь.

Город внизу еще спал. Кое-где в окнах загорался свет, но большинство хозяев в ожидании тайфуна оставили ставни закрытыми и закрепили их дополнительно деревянными рейками. Некоторые приперли двери снаружи мешками с песком, чтобы не выбил бушующий ветер и дом не залило.

Юи, казалось, дождь совсем не тревожил, как и то, что небо ложилось прямо под ноги. Она придирчиво осматривала свою работу: покрывала из пластика и скотча укутали будку, деревянную скамейку, выложенные в ряд плитки дорожки, арку и табличку с надписью «Телефон ветра».

Все было укрыто: ни земля, ни вода не страшны. Даже если ураган опрокинет что-то или сорвет, она будет рядом и

все исправит. Простая истина о том, что вещи не так хрупки, как плоть, что их можно починить или заменить, в отличие от тела, которое хоть и крепче души (та если разобьется, то навсегда), но нежнее дерева, свинца и железа, ей даже в голову не приходила. Она ни на секунду не задумывалась об опасности, которой себя подвергает.

«Уже сентябрь», – прошептала Юи, всматриваясь в черноту на небе, наступающую с востока. *Nagatsuki* 長月 – «месяц длинных ночей», так его называли в древности. Так она встречала каждый месяц: «уже ноябрь», «уже декабрь».

«Уже апрель», – произнесла она когда-то, за ним «уже май» – так начался отсчет времени с 11 марта 2011 года.

Каждая неделя становилась тяжким испытанием, каждый месяц представлялся багажом времени – тяжелым чемоданом из тех, что складывают на чердак на будущее, не зная, настанет ли их день.

У Юи были длинные волосы, черные у корней и светлые на концах: создавалось впечатление, будто они растут в обратном направлении, поднимаются снизу вверх. Со дня катастрофы, когда море поглотило ее мать и дочь, она перестала красить волосы, только подрезала их понемногу, ровно настолько, насколько отросли корни. Цвет волос, а точнее резкий переход от старого светлого к родному черному, отсчитывал срок ее траура – такой своего рода адвент-календарь.

Тем, что Юи выжила, она была обязана в первую очередь

этому саду, этой будке с бело-голубой крышей и черному телефону, который пристроился на полке рядом с телефонной книгой. Пальцы набирали случайный номер, трубка касалась уха, и голос падал в нее. Иногда здесь плакали, иногда смеялись, потому что жизнь не теряет чувства юмора, даже когда случается трагедия. И вот тайфун почти добрался до сада, Юи чувствовала, как он подступает.

В том районе ураганы были обычным делом, особенно летом. Они меняли все вокруг: срывали крыши, разбрасывали черепицу по земле, как семена, – и каждый раз Судзуки-сан, смотритель «Белл-Гардиа», с любовью и заботой защищал сад. На этот раз ураган предвещали страшнейший, а Судзуки-сана не было на месте. Больной голос быстро рассеялся. Она не успела понять, насколько все серьезно, но знала, что он в больнице на обследовании. Вот только если он не защитит это место, то кто же тогда защитит?

Юи тайфун представлялся ребенком, который, злобно поглядывая, готовится опрокинуть ведро воды на замок из песка, построенный другим ребенком. Он наблюдает издалека, выбирает самого беззащитного, самого наивного – и вот-вот нападет. Положение туч постоянно менялось, там, вверху, все двигалось, свет смещался к западу. Лишь время от времени он приближался ненадолго, касался холма, как рука касается лба проверить, правда у тебя жар или притворяешься.

Когда яростный вой ветра обрушился на сад, все в нем как будто попряталось и только шептало: «Не трогай меня».

Волосы Юи взлетали вверх, распадались на пряди в воздухе, извивались, как змеи на голове горгоны Медузы. Достаточно было посмотреть на ее голову, чтобы представить партитуру ветра, зловещий свист, с которым он вырывал из земли растения: алые *хиганбаны* – их еще называют «цветы Нирваны» или «цветы мертвых»; увядшие, сеявшие семена гортензии; кардиоспермум, коробочки которого так любят дети, потому что семена в них звенят как колокольчик.

Держаться на ногах было трудно, но она решила еще раз обойти сад и убедиться, что все хорошо защищено. То припадая к земле, то с трудом продвигаясь вперед наперекор воздушной лавине, она добралась по дорожке до последней плитки, проверила крюки, державшие чехол будки. Ветер она рассекала руками, как будто плыла в нем.

Одна из плиток захрустела под ногой, и она вспомнила, что ее дочка называла «печеньками» каменные блоки, которыми была выложена сточная канава неподалеку от дома. Юи с благодарностью улыбнулась этому воспоминанию.

Ребенок воспринимает счастье как вещь. Как игрушечный паровозик, выглядывающий из корзины, или пленку, оборачивающую кусок торта. Или фотографию, на которой он стоит на сцене, в самом центре, так что все взгляды направлены на него.

У взрослых все сложнее. Счастье для них – это успех, работа, мужчина или женщина; вещи абстрактные, трудные.

Когда счастье есть (да и когда его нет тоже), оно превращается просто в слово, оно нематериально. «Но детство, – думала Юи, – учит совсем другому – тому, что достаточно протянуть руку в правильном направлении – и счастье окажется в ней».

Под серым месивом неба женщина лет тридцати стояла прямо, вопреки всему. Она думала о том, как материально может быть счастье, она погрузилась в эту мысль, как когда-то погружалась в книги, в чужие истории, которые с самого детства, все без исключения, казались ей интереснее ее собственной. Она спрашивала себя, не потому ли она выбрала работу на радио. Ей так нравилось слушать о жизни других, она рада была затеряться в этих рассказах.

Для Юи вот уже несколько лет счастье зарождалось в этом черном тяжелом предмете, в этом круге с цифрами от единицы до ноля. Здесь можно было поднести трубку к уху и затеряться в окружающем пейзаже: в этом саду, на этом отрезанном от мира холме на северо-востоке Японии. Вдали, между горами, виднелся треугольник моря, она ощущала его соленый запах. Здесь Юи представляла, как разговаривает со своей дочкой, навсегда застывшей в возрасте трех лет, и с матерью, которая обнимала девочку до самого конца. А когда счастье становится вещью, любая другая вещь, которая представляет для нее угрозу, становится врагом. Даже такая неосязаемая, как ветер или как дождь, обрушившийся с небес на землю.

И никогда ради сохранения своей никчемной жизни Юи

не позволила бы причинить вред этой *вещи* и этому месту, хранившему ее голос.

Часть I

1

Впервые она слышала о нем на радио. В конце передачи в эфир дозвонился слушатель и рассказал, что принесло ему облегчение после смерти жены. В редакции долго обсуждали, стоит ли назначать эту тему выпуска. Все знали о Юи, о ее горе. Но она настаивала: что бы она ни слышала, ей все равно. Она столько выстрадала, что никакие новые терзания ей не грозят.

«Что помогло вам встать с кровати утром и лечь спать вечером после трагедии? От чего вам становится легче, когда подступает скорбь?»

Передача прошла совсем не так мрачно, как ожидалось. Женщина из Аомори рассказала, что, когда ей становилось грустно, она готовила: готовила сладкие и сытные пироги, пирожные *макарон*, джемы, маленькие порции блюд для *бэн-то* – крокеты, обжаренную с сахаром и соевым соусом рыбу, вареные овощи; она даже купила отдельный морозильник, чтобы готовить, когда хочется, и замораживать еду. К третьему марта – *хинамацури*, празднику девочек, который раньше отмечала с дочерью, – она заботливо размораживала его. Женщина не сомневалась в том, что, увидев в

гостиной выставленных на специальной подставке-лестнице кукол, символизирующих императорскую семью, испытает непреодолимое желание чистить, резать и бланшировать. Готовка приносила ей радость и, как она выразилась, возвращала ее руки в этот мир.

Молодая служащая из Айти ходила в специальные кафе гладить собак, кошек и хорьков, да, особенно хорьков. Стоило им уткнуться маленькими мордочками в руки, как к ней возвращалась радость жизни. Пожилой мужчина шепотом, чтобы жена не услышала из спальни, сознался, что играет в *патинко*; *сарариман*, который пережил разрыв с невестой как трагедию, чашку за чашкой пил горький горячий шоколад и грыз рисовые крекеры – *сэмбэй*.

Все с улыбкой слушали рассказ токийской домохозяйки лет пятидесяти, которая, после того как ее лучшая подруга погибла в аварии, начала учить французский. Чужая интонация, эти горловые «р» и эти сложные ударения создавали иллюзию, будто она сама становится другим человеком. «Я никогда не выучу язык, у меня совершенно нет способностей, но вы не представляете, с каким удовольствием я произношу „*bonjuiuurrrrrrrrr*“».

Последний звонок поступил из Иватэ – одного из эпицентров катастрофы 2011 года. Редактор программы красноречиво посмотрела на звукорежиссера, который, в свою очередь, впился взглядом в ведущую, прежде чем опустить глаза на сценарий программы и не поднимать их до конца звонка.

Слушатель потерял жену во время цу нами, как и Юи своих родных; дом снесло потоком воды, тело уволокло в океан вместе с руинами, имя значилось в списке пропавших без

вести: **行方不明** – «*yukue fumei*» – «местонахождение неизвестно». Сам он теперь жил у сына, в глубине острова, откуда море казалось лишь плодом воображения.

«В общем, – начал голос, прерывавшийся время от времени звуком вдыхания сигаретного дыма, – есть такая телефонная будка посреди сада, на горе, отрезанной от всего остального мира. Телефон не подключен, но голоса уносит ветер. Я говорю в трубку: „Алло, йоко? Как дела?“ – и мне кажется, будто я возвращаюсь в старые добрые времена, когда жена вечно хлопотала на кухне то над завтраком, то над ужином и слушала, как я ворчу, что кофе горячий и что язык обжег. Вчера вечером я читал внуку сказку о Питере Пэне – летающем мальчике, который потерял свою тень, – и о девочке, которая пришила тень к его пяткам. Мне кажется, затем мы и идем на эту гору – пытаемся вернуть свою тень».

В редакции все онемели, как будто что-то чужеродное и огромное вдруг упало посреди студии. Даже Юи, которая всегда умела прервать затянувшуюся речь слушателя парой метких слов, затаила дыхание и молчала. Только когда звонивший закашлялся и режиссер отключил звук, Юи как будто очнулась ото сна. Она поспешно объявила очередную музыкальную композицию и поразилась совпадению: Макс

Рихтер, *Mrs. Dalloway: In the Garden*².

Тем вечером поступило еще много сообщений, они продолжали приходить, даже когда Юи села в предпоследний поезд до Сибуй и в последний до Китидзёдзи. Она закрыла глаза, хотя спать не хотелось. Она снова и снова прокручивала в голове слова слушателя, как будто ездила туда-сюда по одной и той же дороге, каждый раз замечая новые детали: дорожный знак, вывеску, здание. Юи уснула, только когда была уверена, что запомнила маршрут.

На следующий день, в первый раз с момента смерти матери и дочери, Юи попросила двухдневный отпуск. Она снова завела двигатель автомобиля, заправилась, включила спутниковый навигатор, выдававший чередой короткие указания, и направилась к саду Судзуки-сана. Если не счастье, так хоть утешение могло воплотиться в конкретной вещи.

² «Миссис Дэллоуэй. В саду» (англ.).

2

Плейлист радиопередачи Юи в тот вечер

1. Fakear, *Jonnhae Pt. 2*

2. Hans Zimmer, *Time*

3. Plaid, *Melifer*

4. Agnes Obel, *Stone*

5. Sakamoto Ryū, *Ue wo mite arukō*

6. The Cinematic Orchestra, *Arrival of the birds & Transformation*

7. Max Richter, *Mrs. Dalloway: In the Garden*

8. Vance Joy, *Call if you need me*

Пока Юи возилась с навигатором, ее чуть не стошнило. Первые десять минут вид моря вызывал тот же эффект, и так каждый раз: стоило посмотреть на него, и рот как будто заполняло морской водой, словно кто-то силой, через воронку, вливал ее, заставляя глотать. Тогда она спешила положить в рот дольку шоколада или леденец. Через несколько минут сердце привыкало и рвотные позывы стихали.

Месяц после цунами она провела в эвакуации, на покры-вале два на три метра, в спортзале начальной школы. С ней было еще сто двадцать человек, но такого одиночества, как там, она не испытывала никогда в жизни.

Несмотря на сильный, небывалый для марта снегопад, она выходила из здания каждый раз, когда появлялась возможность: протискивалась в трещину в стене, ограждавшей школьный двор, обнимала дерево, которое, как ей казалось, крепко держалось за землю, и смотрела сверху на вернувшийся на место океан и руины, которые он оставил за собой.

Юи сосредоточенно вглядывалась в воду, несколько недель не смотрела ни на что другое.

Она была уверена, что ответ именно там. Каждое утро и каждый вечер она обращалась в Информационный центр с одним и тем же вопросом: два имени, косички, седые волосы средней длины, цвет юбки, родинка на животе.

Вернувшись с улицы, она торопливо забежала в крошечный школьный туалет, в нормальной жизни предназначавшийся для детей от шести до одиннадцати лет, затем проходила по коридорам, увешанным детскими рисунками и поделками из бумаги, и возвращалась на свой прямоугольный островок жизни, онемевшая от всего этого абсурда.

Некоторые охотно переговаривались между собой, сидя каждый на своем покрывале, постеленном прямо на линолеум. Им нужны были слова, чтобы знать, что все это происходит на самом деле. Другие, наоборот, молчали, как будто боялись открыть следующую страницу, зная, что именно на ней разыграется трагедия: не переворачивай страницу – и того, что написано, не случится, уверяли они себя. Третьи уже все знали, поэтому им нечего было сказать. Но большинство ждали, и Юи была среди них. В зависимости от новостей из Информационного центра люди примыкали или к одной, или к другой группе. Время от времени кого-то переправляли в другое убежище, где их ждали те, кого ждали они.

Происходили сотни невероятных историй. Во всем, что ни вспомни, виделись совпадения («если бы я не заболела и не осталась в постели», «если бы я в тот день поехал направо, а не налево», «если бы я не вышел из машины», «если бы мы не пошли домой на обед»).

Все слышали голос молодой сотрудницы муниципалитета, находившегося в сотне метров от моря, которая по громко-

говорителю, не умолкая, передавала предупреждение о приближающемся цунами, советовала бежать в горы и подниматься на верхние этажи железобетонных зданий. И все знали, что сама она не спаслась.

Снимки с мобильных телефонов (теперь, чтобы зарядить телефон, приходилось стоять в очереди по нескольку часов) рисовали безумное зрелище: люди цеплялись за крыши домов, машины смывало в море, дома после мужественного сопротивления срывались с места следом за людьми, их затягивало в водоворот, как мыльную пену в сливное отверстие раковины.

А потом пришел огонь. Никто и представить себе не мог, что он может оказаться сильнее воды: мы с детства привыкли, что ножницы выигрывают у бумаги, бумага – у камня, а вода у огня, потому что она зальет огонь – и все спасены. В этой детской уверенности никто и не думал о том, что время решает все и что дым быстро заполняет легкие. Что во время цунами умирают и вовсе не касаясь воды.

В тот день после сильнейшего подземного толчка Юи укрылась на одной из гор, окружавших город, и оттуда смотрела, как приближался океан. Ей казалось, что он двигается очень медленно, но уверенно, как будто так и должно быть. И правда, что еще делать морю, если не двигаться вперед?

Юи стихия застала далеко от дома; мать по эсэмэс завила ее, что и она, и ее дочка в безопасности, что они совсем рядом с убежищем их района. Мать была так убедительна,

что Юи поверила и решила укрыться в горах вместе со всеми. Она помогала пожилой женщине, которой было тяжело идти, пыталась быть полезной, насколько это возможно, и в глубине души была уверена, что они все спасутся. На какое-то мгновение ее даже охватило чувство вины за то, что ей так повезло.

Они добрались до площадки на склоне и оттуда наблюдали за происходящим, как с театрального балкона. В руках у всех были мобильные телефоны: сакрализация технологий делала их предметами едва ли не одушевленными. Казалось, все они вернулись в детство, в тот возраст, когда не существует границы между возбуждением и страхом. Но когда море накрыло землю, когда докатилось, и не думая останавливаться, до самого подножья горы, воцарилось молчание.

Зрелище показалось Юи настолько сюрреалистичным, что она еще долго не могла поверить, что увиденное произошло на самом деле. Цунами поднялось гораздо выше, чем предполагалось, и слово «убежище» оказалось какой-то странной ошибкой, размытым понятием, из тех, которыми называют вещи, в реальности к ним не имеющие никакого отношения. Там были дочь и мать Юи: в убежище они нашли свою смерть.

Месяц Юи ждала на покрывале два на три метра, сама не зная точно, чего ждет. Немногие вещи, которые были при ней во время землетрясения, гирляндой лежали вокруг нее.

К ним добавились бутылки воды, полотенца, упаковки сухой лапши *рамэн*, *онигири*, энергетические батончики, гигиенические прокладки, напитки-энергетики.

Потом тела наконец нашли, и Юи перестала смотреть на море.

4

Последствия катастрофы в Тохоку, согласно данным сайта Ninansyameibo.katata.info, обновление от 10 января 2019 года

Погибшие: 15 897

Пропавшие без вести: 2534

Эвакуированы: 53 709

Смерти, последовавшие за катастрофой и связанные с ней: 3701

Юи проезжала по серым, обезлюдевшим улицам Оцути – одного из наиболее сильно пострадавших в мартовской катастрофе 2011 года городов. Десятая часть населения погибла в воде и пожарах, продолжавшихся несколько дней.

Разрушенный цунами город был похож на перепаханное поле, редкие низкие постройки перемежались с бульдозерами и другими машинами, назначения которых Юи не знала точно. Это огромное полупустое пространство напомнило ей буддийское кладбище, из тех, что внезапно появляются перед глазами среди горного пейзажа. Вертикальные флаги, сообщавшие о проведении работ и перечислявшие названия задействованных строительных компаний, трепал непрекращающийся ветер.

Поднимаясь к Намиитакайган по дороге, которая то расширялась, то сужалась, повторяя местный рельеф, Юи терзалась сомнениями. А вдруг мужчина на радио обманул? Не в плане существования этого места: она нашла его на карте вместе с номером телефона и факса, но вдруг он ошибся и то, что помогло ему, не поможет ей. Телефонная будка в саду, отключенный телефон, по которому можно поговорить с умершими родными. Могло ли это ее утешить? Да и что ей сказать матери, что она может сказать дочери? От одних только этих мыслей Юи стало не по себе.

Навигатор начал выдавать противоречивые указания: она была так близко к цели, что больше он ничем не мог ей помочь. Юи заглушила мотор. А вдруг в «Белл-Гардиа» полно народу и придется стоять в очереди? У кого нет покойных близких, с которыми хотелось бы пообщаться? Разве найдется человек, у которого нет вопросов к загробному миру?

Юи представила громадный китайский бассейн, в котором вместо воды видны только головы людей, разноцветные купальные шапочки и надувные круги. Все хотят зайти, никто не может плавать. Вода где-то там, внизу, – одно название. Юи точно знала, что не сможет ничего сказать, если под дверью будут ждать люди. Как в школьном туалете: «Скоро ты там? Долго еще ждать?»

Юи порылась в пакете на соседнем сиденье, достала и развернула один *онигири* (она купила их на выезде из Токио, вместе с шоколадкой и кофе в жестяной банке) и принялась жевать, изучая пейзаж вокруг. За окнами машины была безымянная деревушка: невысокие здания, двухэтажные домики с традиционными синими крышами и большими садами, обработанные поля, несколько курятников. Справа море, плавный изгиб спускавшегося вниз холма. Позади недвижимые горы.

От этого вида Юи расслабилась. Здесь не было ни машин, ни магазинов. И напрасно она боялась толпы вокруг будки. После нескольких часов дождя и туч небо вдруг вспыхнуло разом тысячами лучей. Теперь Юи заметила, что в саду,

под козырьком крыши, сушится подвешенная нитями хурма. В зеркало заднего вида она наблюдала, как из дома вышел мужчина, приставил лестницу к ветвистому дереву, залез наверх с ножницами в руках и приготовился обрезать его.

Она хотела было спросить у него, как пройти к дому Судзуки-сана: «Телефон ветра... „Белл-Гардиа“, знаете, где это?» Но потом подумала, что этим вопросом выдаст незнакомцу свое горе, и не решилась. Она терпеть не могла эту резкую перемену в поведении собеседника, жалость, которая заставляла его нервно улыбаться, сковывала движения. Затем она увидела сквозь боковое стекло автомобиля другого мужчину, лицо у него было молодое, а волосы уже седые. Юи сразу поняла, что он такой же, как она. Выживший.

Юи не могла объяснить толком, но в выражении его лица она заметила едва уловимую мрачность, такая была где-то внутри нее – она сама не знала где. В этом затаенном уголке души те, кто выжил, прятали любые эмоции, в том числе и радость, чтобы не чувствовать боли за других.

Шапка съехала, в руках развернутая карта – она хлопала его по груди на ветру. Мужчина оглядывался по сторонам, искал. В последующие годы Юи познакомится с ним ближе, будет всматриваться в сгорбленную над Телефоном ветра спину, прижатую к уху трубку, его тело за стеклянными стенами будки, разбитое на прямоугольники деревянными перегородками. Он каждый раз будет приносить, бережно держа пакет в руках, чтобы не помялись, два особых эклера с

банановым кремом, которые так любила его жена и которые, по новой традиции, они будут съедать вместе, вдвоем, – Юи и Фудзита-сан – на скамейке в «Белл-Гардиа».

Им станет легче смотреть на море: Юи специально переехала в Токио, подальше от моря, но теперь, через полтора года разлуки, вернулась и ощутила ностальгию. Так было со многими, ей рассказывали: сначала море ненавидишь, а потом снова начинаешь любить, той мучительной любовью, которую испытывают родители к детям-убийцам и от которой, несмотря ни на что, невозможно отречься.

«Воспоминания о тех, кого мы любили, не стареют со временем. Стареет только мы сами», – часто будет повторять мужчина, который в тот день растерянно вертел в руках карту, пока ветер трепал его волосы.

Когда Юи вышла из машины, ей показалось, что воздух буквально наполнен солью. Вроде бы ничего удивительного: море рядом, но Юи поразила концентрация соли. Она поспешила повернуть ключ, чтобы не давать себе времени на раздумья. Юи пошла следом за тем мужчиной: он как раз только что перешел дорогу и приготовился подниматься по пологому склону. Море оставалось позади, он смотрел вверх.

Юи чувствовала спиной порывы ветра, и ей казалось, ветер подталкивает ее. Как будто чья-то рука слегка похлопывала по спине, вела ее следом за мужчиной по тропинке, мягко поднимавшейся вверх по склону горы Кудзира – Китовой горы. «Извините!» – крикнула она ему вслед, ускоряя шаг.

Голос растворился в воздухе. «*Sumimasen*»³, – повторила она, и на сей раз ветер подхватил ее слова и донес до него.

Мужчина обернулся, мятая карта прилипла к груди. Он улыбнулся. Мужчина с первого взгляда понял, что она такая же, как он, и что они оказались там по одной причине.

Другие фразы, которые часто будет повторять Фудзита-сан

«Сон все исцеляет».

«Чтобы познать себя, необходимо познать других» (цитата из книги Миямото Мусаси).

«Ключей никогда нет под рукой, когда пора выходить».

«Капучино намного вкуснее, если присыпать его сверху молотой корицей».

«Поверхностное знание страшнее неведения» (снова цитата из книги Миямото Мусаси).

Примечание: «Книга пяти колец» Миямото Мусаси, наряду с «Государем» Никколо Макиавелли, была любимой книгой Фудзиты-сана.

Около года Юи преследовал один и тот же сон. Каждую ночь ей снилось, что она снова зачала свою дочь. Что-то внутри подсказывало ей, что, раз однажды дочь появилась из ее чрева, можно начать все сначала, повторить в мельчайших подробностях и тогда девочка вернется.

В первый год после трагедии разум во сне уступал, сидел где-то в углу и молча наблюдал, считая себя не вправе вмешиваться. Но когда Юи просыпалась, он выбирался из своего укрытия и нашептывал ей, что это всего лишь игра воображения и что нужно найти в себе силы двигаться дальше.

Даже если она снова забеременеет и даже – каким-то чудом – от того же мужчины, девочка со шрамом посередине лба и веснушками, рассыпанными по носу и щекам, не вернется. И даже если смириться, что у нее не будет такого же прямого острого носика и того пронзительного крика, которым она требовала, чтобы все внимание уделяли ей одной, этого все равно мало: она не вернется – и точка.

Фудзита-сан (который теперь стоял напротив Юи и смущенно улыбался, сознавшись, что понятия не имеет, где это место, но знает, что оно точно где-то здесь, поблизости) тоже несколько месяцев подряд видел по ночам один и тот же сон.

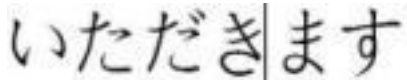
Во сне он давал советы своей трехлетней дочери, которая была жива, но онемела. Онемела в тот день, когда потеряла

мать. Он учил ее всему, что приходило в голову. Обхватывал ее ручки своими ладонями и, не переставая гладить их, рассказывал: еду нельзя накалывать на палочки, их нужно держать вот так; когда зеваешь, нужно прикрывать рот рукой; не забывай сказать «*itadakimasu*»⁴ перед тем, как есть, – да, правильно; и опусти немного голову – вот так; всегда мой руки, когда приходишь домой; а главное – улыбайся сердцем, а не только губами.

«Воспитание. Воспитание важно», – повторяла его жена, когда была жива, и он верил в это. И поверил еще больше, когда ее не стало. Да, он бесконечно верил в эти слова, советы, заученные фразы, которые однажды заседают в голове и затем звучат на протяжении всей жизни материнским и отцовским голосами – и так до тех самых пор, пока не придет время озвучить их своим.

– Раньше все это говорила дочке жена. Я слышал эти фразы каждый день, но никогда не произносил их сам. Я доверял это ей. Может, даже считал в глубине души, что моя роль в воспитании дочери второстепенная. А теперь я подсматриваю за мамами на улицах, в парках и супермаркетах в надежде украсть их секреты: хочу понять, как убедить ребенка говорить, как научить быть счастливым и радоваться жизни.

– Но ведь этого никто не знает! – мгновенно ответила Юи

4

– этикетное выражение, произносится перед едой, сопровождается легким поклоном со сложенными вместе ладонями.

в тот вечер, посмотрев на Фудзиту-сана.

Они долго бродили по склону горы Кудзира, поужинали в единственном в округе ресторане, потом Юи подбросила его до станции. Они просидели в машине добрых полчаса, в то время как закат разгорался и освещал все вокруг. А потом молча, в крошечной темноте, проехали бухту Оцути.

Когда Юи произнесла: «Но ведь этого никто не знает!» – Фудзита-сан посмотрел на нее в такой растерянности, что она не смогла сдержать смех. Тут-то ее и ждал сюрприз.

Дело было не в наивности этого мужчины. Юи ничего не знала об отцах – ни с позиции дочери, ни с позиции жены. Ей только казалось, что сложным вещам, таким как счастье, проще научиться на примере, чем на словах, и нужно самому обладать огромной радостью жизни, чтобы передать ее другому.

Дело было в звуке, который вырывался из ее же гортани, это он удивил ее и даже потряс: она смеялась. Смеялась. Она и вспомнить не могла, когда смеялась в последний раз, когда чувствовала себя так легко, позволяла себе такую беспечность. Тех, кто любил ее, этот смех наверняка растрогал бы. «Что, правда?» – рассмеялся в ответ Фудзита-сан.

Как научить ребенка быть счастливым и радоваться жизни

По словам мамы Сакуры (2 года), синьоры Куроды, которую Фудзита-сан встретил в супермаркете «Кейо Китидзё-дзи»: «хвалить его столько же раз, сколько ругаешь, плюс еще один; вместе готовить блинчики утром по субботам; смотреть в нужную сторону, когда он говорит: „Смотри!“».

По словам мамы Тао-куна (3 года и 5 месяцев), синьоры Адзай, в разговоре с другой мамой в парке «Инокасира»: «водить в парк побегать каждый день, крепко обнимать, когда капризничает, не водить в магазины игрушек, чтобы не приходилось в чем-то отказывать».

По словам отца Косукэ (7 лет), доктора Имай, коллеги Фудзиты-сана: «читать вместе книжки про динозавров, водить в аквариум смотреть на рыб, отвечать на все вопросы, даже неловкие».

– «Белл-Гардиа»? – переспросила чужестранцев сгорбленная старушка в фартуке с большими карманами, пришитыми по бокам.

С ней была толстая черная собака, она причудливо изогнулась всем телом, села, опираясь на тонкие передние лапы, и принялась что-то увлеченно жевать.

– Вы туда идете?

– Да. Это здесь, рядом?

Последний, самый волнительный, участок пути они преодолели в компании этой старушки. Ей было, должно быть, за восемьдесят, она шла, заложив одну руку за согнутую спину, другая болталась сбоку. Старушка предложила проводить их до дома Судзуки-сана, прямо в сад «Белл-Гардиа». «Пойдемте», – улыбнулась она добродушно, как будто приглашала их в дальнюю потайную комнату своего дома.

Старушка рассказала, что родом с Кюсю, но это не важно, потому что всю жизнь она прожила здесь. Они с мужем переехали сразу после свадьбы, он был рыбаком. Он сказал ей, что это лучшее место на свете, и она поверила. Так они сменили дом детства на жизнь у моря, делившуюся на дни и ночи, потому что корабль мужа отчаливал, когда стемнеет, и возвращался с восходом солнца.

Поначалу больше всего ее поражали огромные крабы

с длинными красно-золотистыми ногами, которых муж привозил ей в подарок с севера, куда плавал время от времени. Эти крабы, со своими невообразимыми клешнями, казались ей очень страшными. «Но они вкусные, вам стоит попробовать».

Повернувшись к океану, Юи увидела красные головки буйков на воде. Она представила себе эту женщину в те времена: мысленно вытянула ее тело, разгладила морщины на лице, смахнула годы, как пыль с пиджака. Юи видела, как молодая, с прямой спиной, женщина всматривается в океан: у нее короткая челка, как тогда было модно, другая собака ходит за ней по пятам, на руках – ребенок, а второй ребенок, постарше, держится за край кимоно. Она изучает горизонт с тревогой молодой жены, ищет взглядом корабль мужа. Потом поднимает руку, кричит: «Смотрите!» – и указывает пальцем на маленькую точку, разрезающую водную гладь.

Из-за любезного вмешательства этой старушки Юи и Фудзита-сан оказались совсем не готовы к появлению «Белл-Гардиа». Все их внимание было приковано к ней и ее собаке, и сад открылся перед глазами внезапно, как занавес уличного театра. «До свидания, удачи!» – продолжала повторять ее поднятая рука. Они еще долго смотрели ей вслед, кивая в знак благодарности: женщина медленно шла вниз по дороге, а ветер помогал ей и, казалось, собирался проводить до самого дома.

В школе, где Юи провела в эвакуации несколько недель среди ящиков с фруктами, упаковок сублимированной еды, одежды и одеял, которые стекались туда со всей Японии, она заглядывала в сотни лиц, но все они как бы проскальзывали мимо нее. Только одно возвращалось навестить ее каждый день, в самые неожиданные моменты. Точнее, это были лицо и вещь.

Ему было, наверное, около пятидесяти. Крупное тело; рот, выдававший безумие; огромные, навывкате, рыбы глаза. Мужчина, имени которого Юи не знала, всюду носил с собой рамку, не расставался с ней даже во сне. Через нее он смотрел на небо, на потолок, на все, что окружало его в спортзале: кучи вещей, покрывала, людей. Наблюдая за ним с интересом, которого не испытывала к другим, Юи заметила, что мужчина дает названия своим картинам, и догадалась, что никто больше не знает об этом. Свободной рукой он как будто записывал что-то каждый раз, когда, передвинув рамку, уверенно останавливался и начинал изучать то, что оказалось внутри.

Во внешнем мире сумасшедшие, пожалуй, самые одинокие люди. Но в том месте они были не так одиноки. Здоровые люди сходили с ума от боли, а сумасшедших она даже утешала: как оказалось, не так уж сильно они отличались от остальных.

Юи сомневалась, что он был одним из спасенных. Ей казалось, что потеря, которую перенес он, не новая, давняя и

что ни одна новость из тех, что приходили сюда, не могла затронуть его. Все хотя бы раз в день обращались в Информационный центр с вопросом о своих близких, он – нет. Никто не пытался заговорить с ним о чем-либо, кроме как о времени раздачи еды, очереди в душ, о приходе врачей, к которым можно было обратиться за помощью, об упражнениях, полезных для кровообращения. Все плакали или с трудом сдерживались, чтобы не плакать на глазах у других, а он – нет. Возможно, он пришел сюда, чтобы побыть среди людей, возможно, у него даже был дом, а здесь он просто спасался от одиночества.

Нужно отметить, что никто из спасшихся не позволял себе усомниться в других. Все слишком боялись сделать еще больнее и без того раненому человеку. Но Юи на всякий случай подготовилась: если бы кто-нибудь подошел к мужчине и спросил, зачем он смотрит на все через этот голубой пластмассовый прямоугольник, она бы вмешалась. «Он играет, он обещал внуку», – ответила бы она. А если бы этот кто-то спросил, что это за игра такая и, вообще, уверен ли он, что с внуком все в порядке, она бы многозначительно промолчала, чтобы не смели больше задавать вопросы.

Правда, а точнее то, как Юи ее себе представляла, состояла в том, что взгляд на мир через рамку попросту успокаивал этого человека: в ней все виделось ему обозримым, решаемым. Жаль, что других это не могло утешить. С сумасшедшими намного проще, когда ты не до конца уверен в их

безумии.

По ночам, лежа на своем покрывале, Юи перемежала в памяти лица дочери и матери, обломки прошлой жизни и картины моря с портретом этого коренастого мужчины, представляла себе его дом, наверняка заваленный всяким хламом.

Юи сама не знала, почему так заиклилась, но она то и дело его вспоминала. Во время бессонницы на высоком потолке спортзала она рисовала, как этот человек с непропорциональным медвежьим телом случайно находит фотографию в рамке, берет ее в руки, переворачивает, ослабляет держатели и вытаскивает снимок. Особенно ярко ей представлялся следующий момент, Юи прокручивала его в голове десятки раз: мужчина поднимает рамку на уровень лица – и комната, улица, все вещи, которые переполняют мир за окном, в одно мгновение становятся приятными и умиротворяющими. Ее очень успокаивала эта воображаемая сцена.

И теперь, сидя на скамейке в «Белл-Гардиа», Юи, совсем как тот мужчина, рассматривала тело Фудзиты-сана, разделенное на прямоугольники. Их чертили деревянные рейки (две длинные вертикальные и пять коротких горизонтальных), скреплявшие стекла в двери будки. В каждом прямоугольнике заключалась часть Фудзиты-сана: фрагмент руки или отрезок ноги.

Она несколько раз отводила взгляд, боялась, что он за-

метит ее любопытство. Но Фудзита-сан ничего не замечал. Он увлеченно рассказывал жене о дочери: «Да, Хана все еще не говорит, но я верю в лучшее, и педиатр тоже». Он убеждал ее, что это вопрос времени, что переживания детей часто имеют физические проявления и могут буквально встать комом в горле. Это не такая уж редкость, как все думают.

«У мамы все хорошо, она очень заботливая бабушка». Дальше речь шла о соседках по дому, воспитательницах в детском саду, подружках. Все сводилось к тому, что Хану все любят и она поправится. Хорошо бы это произошло до школы.

Прямоугольник, в котором только что был затылок Фудзиты-сана, вдруг опустел. Он стал на один прямоугольник ниже – наклонился за стоявшим на полу рюкзаком. Когда Фудзита-сан вышел из будки, лицо было взволнованное, но он улыбался. Как будто хотел сказать: «Все хорошо. У нее все хорошо, у меня все хорошо, все образуется».

Только спустя год Юи рассказала Фудзите-сану о человеке с рамкой и о том дне, когда она сама попала в голубой прямоугольник. Именно в тот день впервые за несколько недель она ощутила себя видимой, ощутила, что ее видят *по-настоящему*. Это оказался первый и последний раз – через три дня

мужчина исчез. Никто не упоминал о нем, и она никого не спрашивала. О ком ничего не известно, о том нечего и сказать. О ком ничего не известно, тот не имеет значения.

В том замкнутом пространстве Юи поняла и усвоила еще одну важную вещь: достаточно молчать о человеке, чтобы он исчез навсегда. Именно поэтому имело смысл вспоминать прошлое, говорить с людьми, говорить о людях. Слушать, как люди рассказывают о других людях. И даже разговаривать с мертвыми, если это необходимо.

10

Рамка человека с рамкой

Размер: 17,5 см × 21,5 см.

Цвет: небесно-голубой.

Куплена в магазине «Все по 100 йен» 6 марта 2001 года.

Оплачено: 105 йен, включая НДС.

Сделано в Китае.

В тот первый день в «Белл-Гардиа» Юи решила понаблюдать за всем со стороны. Сад беспрерывно нашептывал что-то, как будто на этот участок земли слетались голоса со всех соседних деревень. Юи казалось, что среди них непременно блуждает и голос старушки, которая привела их сюда. Она была уверена, что их взаимная любовь с собакой предполагает долгие задушевные беседы о море и о детях, которые разъехались по далеким городам.

После разговора по Телефонну ветра Фудзита-сан зашел в дом смотрителя и теперь исследовал библиотеку «Белл-Гардиа», собранную за несколько лет благодаря поддержке разных общественных организаций, и внимательно изучал календарь мероприятий, которые проходили здесь каждый месяц.

В целом все прошло довольно мило, Судзуки-сан был очень приветлив. Он поклонился, и его улыбка начертила в воздухе вертикальную полосу, когда Фудзита-сан протянул ему визитную карточку. Юи наблюдала за этим обменом любезностями со стороны, ей было проще раствориться в своем товарище по путешествию, сделать вид, что она его часть. Фудзита-сан, возможно, догадался об этом, но ни слова не сказал о том, кем была и кем не была Юи.

Судзуки-сан взглянул на нее и тоже не стал задавать лиш-

них вопросов, только на мгновение задержал взгляд на ее причудливых волосах – в то время они были на две трети крашенные, светлые, а на треть темные. «Добро пожаловать!» – радушно произнес он.

Сад понравился Юи – он показался ей очень красивым, немного трогательным, и она даже попросила разрешения посидеть там пару минут в одиночестве. «Можно и дольше, гораздо дольше. Правда, скоро должен прийти один парень, но не сейчас, где-нибудь через полчаса, к тому же он часто опаздывает. Ему достаточно просто освободить будку и немного пространства вокруг. Он часто заходит, я его знаю, вы ему точно не мешаете».

Юи кивнула, ее поразила дружеская непринужденность, с которой Судзуки-сан говорил о том парне. Может быть, когда-нибудь он будет говорить так и о ней. Она проводила обоих мужчин взглядом до самого порога. Дом стоял на краю сада, слегка возвышаясь над ним. Стены были белые, с черными балками снаружи. Она вспомнила, что видела что-то подобное в альбоме, посвященном немецкой Европе.

Тысячи людей приезжали в «Белл-Гардиа» каждый год, чтобы выпустить на свободу собственный голос. Среди них было много таких, как она, – переживших 11 марта 2011 года; большинство из Оцути. Но были и люди, родственники которых умерли от болезни или погибли в автокатастрофе, старики, которые приезжали поговорить со своими родите-

лями, пропавшими во время Второй мировой, родители бесследно исчезнувших детей.

«Как-то раз один человек сказал мне, что смерть – дело очень индивидуальное, – рассказывал Судзуки-сан. – Жизнь мы, кто в большей, кто в меньшей степени, пытаемся выстроить так же, как у других. А смерть – другое дело. В смерти каждый сам по себе...»

Он шел медленно, смотрел под ноги, чтобы не топтать растения, а Юи думала, не тот ли человек, о котором он говорит, дозвонился к ней на радио. Она с удивлением отметила для себя, что ветер в «Белл-Гардиа» не стихал ни на минуту – наоборот, он только разгонялся все сильнее, постоянно меняя пейзаж вокруг.

Ей вдруг подумалось, что телефон не просто направляет голоса и сопровождает их к конкретному уху, но и рассеивает в воздухе. Она задавалась вопросом: что, если мертвые, которых они пытаются вернуть в *этот* мир, вовсе не цепляются за него в *том* мире, а вместо этого заводят новые знакомства и проживают жизни, которых мы себе и представить не можем? Иначе как объяснить эту легкость? Как объяснить то, что смерть здесь казалась чем-то прекрасным?

Бродя по саду, Юи представляла, как духи людей, до которых они пытаются дозвониться, сидят за партами, словно школьники во время перекички, поднимают руки, знакомятся друг с другом. Может быть, ее дочка играет там с женой Фудзиты-сана, они поют песни и вместе строят мир,

в котором не только выжившие, но и погибшие могут заботиться друг о друге, любить, идти вперед, накапливать опыт, а потом умирать. Ведь у души тоже должен быть свой век, как и у тела.

Эта мысль потрясла ее: и почему она не думала об этом раньше? Вечно она по своей рассеянности упускает самое важное. Юи села на пень, положила на колени правую руку, затем левую, посмотрела на них по очереди. Может ли ее девочка продолжать путь, держась за чью-то чужую руку?

Юи просидела там около получаса, а когда подняла глаза, увидела худощавого парня в школьной форме. Он уверенно прошел по саду, завернул к будке. Юи показалась милой его сутулая походка – такая часто бывает у ребят в этом возрасте. На вид ему было лет шестнадцать-семнадцать, не больше.

Подходя к будке, парень сильно задел арку своей большой, надетой через плечо сумкой, на которой красовалась эмблема школы. За звенел колокольчик. Юи наблюдала, как парень открыл дверь и привычным жестом поднял трубку. Дальше она отвернулась, чтобы не мешать. Сидела под деревом хурмы, смотрела вверх. На голых ветках осталось несколько плодов, но ее внимание было приковано к самим веткам, раскинувшимся во все стороны над ее головой. Снизу казалось, что все небо покрыто трещинами.

*Любимые темы для разговора старушки с горы Кудзира
и ее собаки*

Каким романтиком был ее муж в молодости.

День, когда они занимались любовью в саду орхидей.

Дочь Мари, которая жила в Кобэ и была замужем за инженером.

Кошмарные галстуки, которые носит муж их дочери Мари.

Намики, ее внучка двух с половиной лет от роду, которая радостно здоровалась с ней в «Скайпе» и тут же забывала, что камера включена.

Какие восхитительные были крабы из Хакодатэ, сколько ностальгических воспоминаний с ними связано.

Сын, который живет в Германии и обещал приехать на Новый год вместе с невестой и познакомить их.

– Вечно она со всем спорит, что ни скажи, – рассмеялся парень.

Он вышел из будки и направился было к Юи сообщить, что место освободилось, но смотритель с крыльца окликнул их обоих. Чай был готов.

Парня звали Кэйти, он жил через две деревни отсюда. В сад приходил пешком, потому что автобус, как назло, отъезжал ровно в тот момент, когда он только выходил из спортзала после тренировки по *кэндо*. Он учился в старшей школе – последний год учебы. Его мать умерла от опухоли: когда ее обнаружили, было уже слишком поздно.

– Мама окончила Токийский университет, *Тодай*. И нас вечно донимала учебой, и меня, и Наоко.

– Это его младшая сестра, ей четырнадцать, – объяснил Судзуки-сан.

– Мы с мамой постоянно ругались, – продолжал парень. – Мне казалось, она ко мне слишком строга.

– Все мы такие, – усмехнулся Фудзита-сан. – Я тоже ссорился с отцом, а теперь, видимо, буду с дочерью.

– Я хотел быть с ней повежливее, но никак не получалось. Даже в конце не вышло, но там уже было другое. Я боялся обращаться с ней слишком вежливо, чтобы не подумала, что я не верю в ее выздоровление.

Судзуки-сан хлопотал на кухне, но время от времени кивал, будто знает этот рассказ наизусть.

– Даже не сомневаюсь, будь она здесь, мы бы опять поругались.

Окно кухни затряслось от ветра, красный листик прилип к стеклу, но почти сразу упал за подоконник: видимо, ветер ослабил хватку.

– А вот отец мне ничего не запрещает, только говорит: «Не торопись, обдумай все спокойно, а потом решай. Я в тебя верю». Жалко, я сам в себя не верю.

– В твоём возрасте все очень сложно, – вмешался Судзуки-сан.

Юи все это время молчала, но про себя восхищалась трезвостью, с которой рассуждал парень. Старшеклассники представлялись ей куда более легкомысленными, менее глубокими, а главное, она бы никогда не подумала, что они могут быть такими открытыми и честными. «Может быть, боль делает нас глубже», – подумала она, и ей стало немного жаль его.

– Хорошо только то, что теперь никто не перебивает, когда я говорю, – усмехнулся Кэйта.

– Семья знает, что ты сюда ходишь? – спросил Фудзита-сан, постукивая ногтями по желтой керамической чашке: он всегда так делал, когда о чем-то задумается.

– Отец знает, я вечно опаздываю к ужину, когда сюда захожу. А сестре я не рассказывал.

Кэйта ничего не сказал сестре нарочно, хотел сам сообщать матери семейные новости, потому что, когда она была жива, говорил с ней меньше остальных.

— Спасибо, Судзуки-сан. — Парень резко вскочил со стула и вытащил из сумки сплюснутый пакет. — Это вам и вашей жене, только они помялись немного, извините.

Когда зритель пристраивал на столе полный снеков пакет, благодарил Кэйту, говорил, чтобы тот не простудился («Скоро зима»), советовал серьезно готовиться к вступительным экзаменам («Только смотри не перетрудишься»), а старшеклассник, неуклюжий и растроганный, обещал, что придет, как только сможет, и кланялся Судзуки-сану и его гостям, Юи была уже далеко. Она видела, как он вышел за дверь, со своей сумкой через плечо, из-за которой у него вся спина искривилась, представляла, какое безграничное будущее рисуют себе мальчишки в его возрасте, и в то же время думала, что можно не держать голос этого подростка в памяти: он уже там, в саду «Белл-Гардиа», связан узлом со множеством других голосов. Наверное, этот голос навсегда останется здесь радовать мать, рассказывать ей об экзаменах, первых лекциях в университете, девушке, которую он любит, о том, что она не любит его, и о другой девушке, которую он сам отверг, потому что она не похожа на ту; о своей первой работе, о свадьбе, о том, как трудно было ее организовать, о первенце, о радости, смешанной с растущим страхом несоответствия, которую он испытывает каждый раз, когда

сын называет его «папа».

Этот голос сольется со звуками других голосов. Море выплеснет их на берег где-нибудь на краю города в районе порта.

«А потом?»

А потом их проглотят рыбы, как кольца принцев в сказках, которые Юи читала дочке перед сном.

«А потом?»

А потом однажды, на кухне соседнего королевства, повар вскроет брюхо скумбрии или щуки, и эти голоса разом вырвутся на свободу.

Юи вспомнила, как ее дочка лежала на *футоне*, в пижаме, по-детски сложив ручки на животе, слушала и то и дело повторяла: «А что потом, мам? А потом?» Юи читала ей вслух, и на этом эпизоде девочка всегда восклицала: «Бедняжка!»

Ее личико становилось таким серьезным: она искренне переживала за живое существо. За ту самую рыбу со вспоротым брюхом, из которого суждено было родиться счастьем королевы или короля.

Когда они остались одни, Юи снова вышла в сад. Она коротко попрощалась со зрителем и ждала Фудзиту-сана, стоя на осеннем ветру. Он вышел, и они отправились в ресторан есть оранжевую икру морских ежей, суп *мисо*, рис с вкуснейшей домашней приправой *фурикакэ* и рассказывать друг другу истории своих жизней. Облака на горизонте как

будто растворились, ветер унес их.

Вторая половина дня выдалась ясная, и вечер тоже. Юи захотелось познакомиться с дочкой Фудзиты-сана, посмотреть ей в глаза, сказать, что ей очень повезло и что мало кто из детей может похвастаться, что его любят так сильно. Впрочем, даже если бы они и встретились, Юи не стала бы этого говорить. Потому что знала, что самую сильную любовь всегда видно без слов.

А еще она обнаружила, что имя Фудзиты-сана – Такэси, и ей очень понравилось это сочетание звуков. С того дня, вспоминая о нем, она всегда называла его по имени. Они тепло попрощались, и никому из них и в голову не пришло, что для первого дня знакомства они сошлись слишком близко. Оба чувствовали, что нашли друг друга, как две вещи, которые случайно сплелись друг с другом на дне сумки, полной самых разных вещей.

В тот вечер Юи возвращалась в Токио по пустой дороге. Она добралась до Китидзёдзи и Митаки уже поздней ночью, проехала светящуюся вывеску круглосуточного магазина *комбини*, вишневые деревья бульвара в Мусасино, дом престарелых, спортивную площадку. Все вокруг спало, как будто город заколдовали.

В первый раз за два года, взглянув в зеркало заднего вида, где Юи всякий раз надеялась увидеть спящую в автокресле дочку, она подумала, что можно спеть ей колыбельную. Что можно посмотреть налево, на соседнее сиденье, где обычно

сидела ее мать, и рассказать ей о необыкновенной магии этого подходившего к концу дня. В первый раз со дня цунами она позволила себе усомниться в том, во что твердо верила все это время: в том, что мир разрезан надвое – мир живых и мир мертвых.

«Ведь в разговорах с теми, кого больше нет рядом, – подумала она, – нет ничего плохого». Достаточно признать, что не всего можно коснуться руками, что стоит лишь напрячь память, чтобы заполнить любую брешь, что радость любви заключается вовсе не в том, что берешь, а в том, что отдаешь безвозмездно.

Той ночью, закутавшись в одеяло, она открыла книгу со сказками. Она читала вслух о бесстрашном оловянном солдатики, о проглотившей его большой рыбе, о долгом путешествии, которое привело его к любимой – танцовщице, стоявшей на одной ножке, и об огне камина, который спалил их обоих, оставив лишь маленькое оловянное сердечко и блестящую звездочку, обгоревшую словно уголь.

Телефонный разговор Кэйти с матерью

– Алло, мама? Слышишь меня? Это Кэйти.

– Прости, что в последнее время реже прихожу.

– У меня дополнительные занятия каждый вечер, а по выходным курсы, чтобы поступить в *Тодай*. Мне кажется, эти тесты никогда не кончатся!

– Папа сказал, ты тоже всегда говорила, что эти задания с выбором ответа – идиотизм. В жизни так не бывает, чтобы приходилось выбирать всего из четырех вариантов и один точно был верный.

– Ладно, ты сама как? Ты и там сладости тайком ешь? *(Смеется.)*

– Знаешь, в плане еды Наоко вся в тебя!

– Когда я стираю, вечно нахожу у нее в карманах обертки от конфет и шоколадок, а один раз нашел брецели и чуррос. Мне кажется, это ненормально.

– Ах да, Наоко влюбилась. Нет, в кого – не знаю, не спрашивал.

– Да у нее на лице написано! Она даже стала не такая вредная, как обычно.

– Ладно, все на сегодня. Там какая-то женщина бродит по саду, ждет, когда закончим.

– Пока, я скоро вернусь, обещаю.

(Возвращается назад.)

– Чуть не забыл: ешь там все, что захочется.

После того дня Юи и Такэси часто возвращались в «Белл-Гардиа» – каждый месяц. Они встречались возле статуи Мо-аи у станции «Сибуя». Им обоим было удобно туда добираться, и Юи любила бывать там до рассвета, видеть почти пустым место, куда днем и вечером, казалось, стекалось все население Земли. С выключенными экранами и мигающими светофорами знаменитый Сибуйский пешеходный переход казался заброшенным, как оставленная на углу праздничная повозка с потухшими огнями.

У них появился свой маршрут: в четыре утра они выезжали на машине в сторону Иватэ, останавливались в Тибе, заходили в «Lawson», покупали что-нибудь на завтрак и обязательно брали плитку шоколада, от которой Юи поспешно отламывала несколько долек и отправляла в рот, как только океан появлялся перед глазами. Так Такэси узнал о ее приступах тошноты и о море.

А Юи узнала, что день их путешествия был единственным днем в месяце, когда Такэси не брал с собой телефон. Он говорил, что поездка нужна ему *физически*, что ему нужно прочувствовать это расстояние всем телом. А телефон отбрасывал его назад во времени, сталкивал лоб в лоб с самим собой, таким, каким он был во все остальные дни.

Такэси на всякий случай дал номер Юи матери, которая

оставалась сидеть с внучкой, когда он уезжал. Так еще один человек узнал о существовании Телефона ветра и о молодой женщине, которая раз в месяц в воскресенье выезжала в сторону горы Кудзира.

Юи и Такэси виделись только во время поездок в «Белл-Гардиа». Как будто место их первой встречи должно было определить, что ждет их в будущем. И все же расстояние между ними сокращалось. Вскоре они начали ежедневно обмениваться сообщениями.

В тот вечер, когда Юи в поисках перчаток наткнулась на завернутый в упаковочную бумагу подарок для дочки, она написала именно ему. Юи переезжала в спешке. Вещи хватала не глядя и закидывала в коробки: ей казалось, что они жгут пальцы. Так в новом доме очутилось пугающее множество того, что она когда-то покупала для дочки и находила до сих пор, хотя с переезда прошло два года: вещи, мимо которых Юи не смогла пройти; покупки с распродажи, которые грех было не взять, даже если по возрасту давать их дочке было рано; платья, ожидавшие, когда девочка до них дорастет. Время от времени Юи находила кукол, альбомы для рисования, юбочки, которые по своей рассеянности забыла отдать ей. Когда она смотрела на них, сердце так и щемило: Юи не могла простить себе, что лишила дочку этих маленьких радостей.

Такэси ответил на ее сообщение очень тепло, с заботой, и она стала писать ему каждый раз, когда это повторялось. Он

пообещал ей, что когда-нибудь, когда она почувствует, что готова, они вместе приберутся у нее дома, разберут все шкафы, ящики, а главное – так и стоявшие нераспакованными с переезда коробки, перед которыми Юи испытывала неподдельный ужас.

Такэси тоже писал Юи, когда ему виделась жена: то в пациентке, стоявшей к нему спиной у окна, то в женщине, перебежавшей ему дорогу наперерез, когда он спешил на работу. Ей он рассказал, как волнуются воспитательницы детского сада из-за того, что его дочь не говорит. В саду она рисовала, участвовала в общих занятиях, но не издавала ни звука. Никто уже не помнил голос Ханы, да и самому Такэси казалось, что он стал его забывать. В такие моменты он смотрел короткие видео, хранившиеся в компьютере: Хана поет песенку из мультфильма, Хана, коверкая слова, пытается напеть традиционную песню, Хана с умным видом говорит глупости, которые только в этом возрасте и можно говорить.

Когда его охватывала тоска о том, что он потерял, смешанная со страхом, что это еще не конец испытаний, которые уготовила ему жизнь, он писал Юи, что ему «немного грустно», и она все понимала. Сами того не замечая, Юи и Такэси стали похожи друг на друга.

Такэси другими глазами взглянул на свой дом, и особенно на те его уголки, где он прятал что-то от Ханы: опасные предметы, сладости, вещи, которые Хана разбросала и не убрала

за собой и которые в наказание исчезали без следа. Он перестал покупать подарки заранее и одежду на вырост. Когда он видел в магазине что-то, что должно было ей понравиться, покупал и отдавал сразу. Он узнал от Юи, что *завтра* – не данность, его в принципе может не наступить.

Юи, в свою очередь, стала ходить к врачам. После двух лет подсознательной надежды, что очередная простуда перерастет в воспаление легких и запущенная боль в горле будет нестерпимой настолько, что она не сможет думать ни о чем другом, она снова начала думать о здоровье и заботиться о себе, как умела.

Когда на улице ее что-то сместило или умиляло: собака в парке, играющая сама с собой, потому что хозяин задремал, или дети в прогулочной тележке, которые весело кричали, увидев поезд, – она снимала короткие ролики, своего рода *хайку* в видеоформате. Юи забывала о них на время, а потом пересматривала по пути на работу, или перед сном, или в любое другое время дня, когда становилось тяжело на душе. Как и Такэси, она накопила целую коллекцию таких фильмов, и их хватало, чтобы хоть немного осветить самые мрачные часы.

А потом наступала субботняя ночь, а за ней, как по расписанию, то самое воскресное утро, когда они ехали вместе в «Белл-Гардиа». Тот условленный час, в который она коротко ударяла кулаком по кнопке клаксона, сообщая Такэси, что приехала, как когда-то в детстве сигналила матери, чтобы та

скорее выходила из дома. То мгновение, когда Такэси поднимался с бордюра статуи Моаи, чтобы сесть в машину рядом с женщиной, о которой ему хотелось узнать еще больше. Мгновение, когда он испытывал счастье и какое-то особенное удовольствие от того, что снова видел ее улыбку, блестящие глаза, маленький рот с пухлыми губами, острый нос, ее волосы, менявшие цвет на уровне плеч.

Этот момент перестал казаться им обоим встречей едва знакомых людей, которые отправляются из одной точки мира в другую, они видели в нем возвращение. Он возвращался к ней. Она возвращалась к нему.

*Вещи, купленные для дочки (и так и оставшиеся новыми),
которые обнаружили дома у Юи*

Пустышка с усами.

Розовые штанишки с украшенными кружевом карманами.

Игрушечная труба с Анпанманом.

Чашка с изображением Минни-Маус и ручкой в форме бантика.

Три заколочки, усыпанные алмазными блестками.

CD-диск с рождественскими песнями.

Полотенце, точно такое же, как то, в которое она заворачивала после купания новорожденную дочку.

Ползунки на три месяца.

Варежки с цветочками.

По пути в «Белл-Гардиа» они редко включали радио, а станцию Юи – и вовсе никогда. Ее программу Такэси старался слушать в прямом эфире, а если в это время была операция или другие неотложные дела, ставил на запись. Более того, он на всякий случай стал записывать все выпуски и собрал целый архив с голосом Юи.

Ему нравился строгий тембр, благодаря которому она дирижировала голосами исследователей, журналистов, ученых, и сменявшая его ласковая, ободряющая интонация, которой она встречала голоса дозвонившихся слушателей со всех уголков Японии. Но больше всего он любил слушать, как ей удастся придать уверенности людям, которые не привыкли говорить, поддержать их.

По пути, когда сбоку плескалось море, а впереди виднелись горы, они обычно слушали музыку. Юи нравилась босанова – ностальгические мелодии тех времен, в которые она не жила, той земли, о которой почти ничего не знала, но мелодии такие красивые, что слезы начинали катиться из глаз. Она была убеждена, что ностальгия не имеет ничего общего с памятью, что настоящую, сильную ностальгию можно почувствовать только по тому, с чем никогда не соприкасался напрямую.

А Такэси был воспитан на роке, слушал «X Japan», «Luna

Sea», «Glax» и время от времени подкидывал Юи наиболее мелодичные их песни, «Forever Love» или «Yūwaku». Она по-доброму посмеивалась над несоответствием тихого голоса Такэси и этой громкой музыки с кричащими во все горло исполнителями.

От Токио до Оцути на машине ехать было очень долго, но так и должно было быть. Нескончаемые часы за рулем по очереди (Такэси сменял Юи, когда она уставала) были необходимы, чтобы подготовиться к встрече с садом, расположившимся на брюхе Китовой горы. Музыка на заднем плане, разговоры, сменявшиеся молчанием, мерное дыхание во сне, когда кто-нибудь из них задремлет, успокаивали нервы, укрепляли мышцы их сердец.

Сердца становились мягче, подвижнее, словно готовились к изменениям, которые каждый раз вызывал в них ветер «Белл-Гардиа». Километр за километром они приближались к Телефону ветра, к виду на сад, лодки, сияющее море.

Если бы Юи попросили объяснить это чувство метафорически, она вспомнила бы о мучительных схватках, предшествующих родам, – чуде, которое ей удалось испытать в день рождения дочери: закрыть, чтобы раскрыть, сжать, чтобы расслабить, сомкнуть и удерживать, чтобы толкнуть и расширить. Абсолютный парадокс. Вроде того, что люди выражают формулой «все придет, стоит только отпустить». Как настоящая любовь, как ребенок, которого не получается за-

чать.

Удастся ли им сегодня поговорить с родными? Станет ли Юи в этом месяце проще просыпаться по утрам и понимать, что она одна дома? Перестанет ли Такэси всматриваться в пустую половину кровати и застывать у двери ванной всякий раз, думая по привычке, сколько же можно там сидеть, чтобы потом прошептать нежно: «Не торопись, любимая»?

Любимые бразильские песни Юи в прошлом и сейчас

«Águas de Março» Элис Режины, оригинальная версия с альбома «Элис» (1972).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.